

Бриссо даже не понимает того, как может народ в голодное время, когда цена на хлеб доходила до шести и до семи су за фунт, требовать установления таксы на хлеб. Только анархисты могут быть способны на это!¹

Для него и для всей Жиронды *революция закончена* 10 августа, когда их партия пришла к власти. Теперь остается только примириться с существующим положением и подчиниться тем политическим законам, какие издаст Конвент. Он даже не понимает человека из народа, который говорит, что раз феодальные права остаются в силе, раз земли не возвращены общинам, раз все земельные вопросы находятся во временном, неопределенном положении, раз бедняк несет на себе вся тягости войны, революция не закончена, и закончить ее может только революционное действие, так как старый строй еще в силах противиться всяким решительным мерам.

Жирондист даже не понимает этого. Он допускает только один разряд недовольных граждан, опасающихся «или за свое состояние, или за те блага, которыми они пользуются, или за свою жизнь»². Всякие другие разряды недовольных не имеют никакого права на существование. Между тем если вспомнить, в каком неопределенном положении Законодательное собрание оставило земельные вопросы, то спрашиваешь себя: как *возможно было* подобное настроение ума? В каком воображаемом мире политических интриг жили эти люди? Мы даже не могли бы понять их, если бы не были слишком хорошо знакомы с подобными им среди наших современников.

Заключения Бриссо в согласии со всеми жирондистами вообще таковы.

Необходим государственный переворот, третья революция, которая «подавила бы анархию». Распустить Парижскую коммуну с ее секциями, уничтожить их! Закрывать клубы, проповедующие беспорядок и равенство. Закрывать Клуб якобинцев и опечатать его бумаги.

«Тарпейская скала», т. е. гильотина, для «триумvirата» (Робеспьера, Дантона и Марата), а также для всех уравнилелей, для всех анархистов.

Избрание нового Конвента, в котором не мог бы заседать ни один из теперешних его членов, т. е. торжество контрреволюции.

«Сильное» правительство, восстановление «порядка»! Такова программа жирондистов, принятая ими с тех пор, как падение короля привело их к власти и сделало «дезорганизаторов бесполезными».

Что же оставалось революционерам, как не выступить на решительную борьбу?

Или революция должна была остановиться как есть, в незавершенном виде, и термидорская контрреволюция началась бы 15 месяцами раньше, т. е. с весны 1793 г., - *раньше, чем окончательно были отменены феодальные права.*

Или нужно было изгнать жирондистов из Конвента, несмотря на услуги, оказанные ими революции в то время, когда приходилось бороться с королевской властью. «Конечно, - восклицал Робеспьер в знаменитом заседании 10 апреля 1793 г., где жирондисты сделали отчаянное усилие послать Робеспьера и «горцев» вообще под гильотину, - конечно, они наносили удары двору, эмигрантам, духовенству - удары сильной рукой; но в какое время? *Когда им приходилось завоевывать власть...* Но как только власть была ими завоевана, их пыл быстро остыл. *Как они поспешили направить свою ненависть на другое!*»

Революция не могла, однако, остаться незавершенной. А потому ей оставалось одно - перешагнуть через жирондистов.

Вот почему начиная с февраля 1793 г. в Париже и в революционных департаментах идет сильное волнение, которое и приводит к движению 31 мая и изгнанию вожаков Жиронды из Конвента.

XLII ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНИЯ 31 МАЯ

Каждый день в течение первых пяти месяцев 1793 г. борьба между Горой и Жирондой становилась все ожесточеннее по мере того, как три великих вопроса яснее и определеннее выступали перед Францией.

Во-первых, будут ли уничтожены без выкупа все феодальные повинности? Или же эти пере-

¹ Ibid., p. 19.

² Ibid., p. 127.